

Платон мне друг

ответ А.А. Андрианова на рецензию К.В. Рычкова «Человек и общество»

Примечание редакции: публикуем продолжение дискуссии вокруг статьи [«Традиционные ценности против идеологии»](#). Настоящая работа — ответ Александра Александровича Андрианова на критическую рецензию [«Человек и общество»](#), подготовленную генеральным директором ИА «Аврора» Кириллом Викторовичем Рычковым.

Благодарю Кирилла Викторовича Рычкова за внимательную и эмоционально насыщенную рецензию. Она — не просто отклик, а образцовый пример того самого типа мышления, о котором шла речь в аналитической записке: архетип устроителя гражданской религии, сформировавшийся в недрах модерна и до сих пор претендующий на право «лепить» общество по своему замыслу.

Суть этой позиции проста и дерзка:

«Человек — глина. Я — мастер. Нет ничего святого, кроме моей воли. Всё относительно. Общество — не живой организм, а конструктор. Ценности — не духовное наследие, а временные установки под текущий способ производства. Старое отживает — его нужно заменить новым, более «эффективным». Лапти сменили на кроссовки — и правильно сделали».

На первый взгляд — здраво. Особенно когда это подаётся как забота о «голодном», как призыв к «справедливости», как вера в «прогресс». Но стоит заглянуть глубже — и обнаруживается страшная подмена: вместо служения человеку — использование его как материала; вместо поиска ответов на вечные вопросы — предложение очередного опиума.

Именно так, через соблазн «нового порядка», снимались вековые запреты — те самые, что сдерживали расчеловечивание. Нам говорили: ваши «лапотные ценности» — мракобесие. Вера — иллюзия. Традиция — тормоз. Человечество на протяжении нескольких столетий принимала навязанную «новую нормальность». Что получило взамен? Европейский абсолютизм XIX века, две мировые войны XX, идеологический тоталитаризм, культуру отмены и файлы Эпштейна как синдром окончательного вырождения. И всё это — во имя «рационального устройства», «нового человека» и «великого будущего».

Ни марксисты, ни либералы, ни современные трансгуманисты никогда не знали — и знать не могли, — что есть человек и общество. Они брались за скальпель, не зная анатомии: вместо живого организма видели лишь схемы — классы, интересы, алгоритмы. И каждый раз реальность оказывалась шире их ограниченных представлений. Тогда они начинали чистки, уничтожая всех, кто не подходил под их стандарт. Так рождались самые кровавые и безумные эксперименты, стоившие нашей стране огромных жертв.

Думая, что устраняют «устаревшие привычки», они на деле вырезали жизненно важные органы общества — те, чьё назначение либо не понимали, либо понимали слишком хорошо и уничтожали сознательно, ради власти. Институт семьи, религию, доверие, язык, преемственность поколений — всё это составляло живую ткань общества.

Возьмём самый близкий пример. Та самая партия, что обещала удовлетворить «все растущие материальные потребности», упразднила религию и возвела на алтарь поклонение себя. «Кодекс строителя коммунизма» — по сути, те же десять заповедей, только с заменой адресата: вместо «Бога» — «Партия», вместо «греха» — «предательство дела». Это была попытка создать гражданскую религию, где человек превращался в винтик машины прогресса. Но как только общество оторвалось от живых корней и стало блудить в поисках “абсолютной революционной свободы”, залив всю страну кровью гражданской войны, проявилась забавная диалектика истории. Именно Сталин, которого революционеры считали своим вождём, на деле выступил как контрреволюционер — в лучшем смысле этого слова. Он, как настоящий хозяйственник, понимал: без связи с историей, без уважения к традиции, без опоры на народную почву — никакое государство не устоит. Потому он вернул армии погоны, Церкви — право на существование, семье — статус, а стране — память о дореволюционных героях. Он не отказался от идеологии, но остановил её деструктивный разбег, потому что видел: дальше — пропасть. Благодаря этому мы выжили и победили в жесткой схватке Второй мировой.

Главная опасность риторики, подобной той, что использует рецензент — она кажется заботливой, «практичной», даже «левой». Но на деле — это отмычка для взятия власти. Лозунги вместо дела. Дым над водой. Очень большой соблазн — «поручить». А для этого нужно лишь вышибить подножку у существующего порядка и занять место у кормы. Типичный образ игрока, который в погоне за амбициями готов поставить на кон всё — ведь, как гласит старая максима, «победителя не судят».

Но в чём тогда разница между традиционными ценностями и идеологией?

Традиционные ценности — это не набор устаревших норм, а основы человеческого сожителства, оставленные нам как завет в религиозных преданиях и народной памяти. На протяжении всей истории именно они позволяли сохранять человека — не как функцию, не как ресурс, а как личность, способную к совести, самопожертвованию и любви. Человек, как сказал один классик, остался тот же. Его нельзя «перепрограммировать» или «улучшить» — можно лишь оскотинить. Поэтому подлинная задача не в том, чтобы переделать мир, а в том, чтобы помочь человеку обрести силы на борьбу с грехом внутри себя. И именно через эту внутреннюю борьбу — через покаяние, труд, верность — происходит настоящее изменение. Когда человек ставит себе задачу измениться самому, а не переделать других, — тогда всё вокруг начинает гармонично преображаться.

Ценностный выбор — это, прежде всего, моральный выбор. Он остаётся таким даже тогда, когда власть гонит тебя, а мир щедро раздаёт индульгенции на грех, называя его «прогрессом» или «свободой».

Идеология же — это гражданская религия, призванная не служить человеку, а заменить живое мышление штампами, а нравственный выбор — коллективной доктриной. Это стригущая машинка общественного сознания, которая безжалостно сбрасывает всё «лишнее» — инакомыслие, сомнение, боль, верность, даже совесть. В её логике человек не выбирает — он подчиняется.

Все три великие идеологии Нового времени — либерализм, социализм, национализм — совершили одно и то же: поставили человека (или коллектив) на место Бога. Они обещали рай на земле, но вместо преображения души предложили перекройку тела общества по чертежу. И все три потерпели крушение — антропологическое.

Сегодня мы видим новый виток этой же логики — в трансгуманизме, в «открытых обществах», в «глобальном прогрессе». Снова предлагается проект «нового человека». Снова — без Бога, без традиции, без памяти. Снова — с верой в то, что достаточно «правильной инженерии» и все будет хорошо.

Но история неумолима: любой проект, ставящий человека выше Создателя, обречён на крушение. И всегда — с огромными жертвами, ведь он отсекает человека от Источника жизни.

Поэтому остаётся лишь одно — смиренно помнить: **человек — не Бог**.

Он — виноградарь в саду, которому поручено возделывать его, а не переделывать по своему вкусу. И когда явится Хозяин виноградника, Он спросит

каждого по делам его — по тому, что он посадил, сохранил, приумножил... или, напротив, выкорчевал под предлогом прогресса.

P.S. Что касается утверждения, будто традиционные ценности — это «та же идеология, только старая», рекомендую внимательно перечитать раздел [«Рождение идеологии»](#), особенно часть, посвящённую Французской революции и определению Дестюта де Траси. Там чётко показано: идеология — это не просто система взглядов и идей, а секулярная гражданской религии нового времени.

*Координатор инициативы “Платформа Развития”
Андреанов Александр Александрович*